

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1 (16)

2024

А. Б. Панченко

Теория нации Освальда Шпенглера в контексте дискуссий рубежа XIX–XX вв.

УДК 323.1(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_109
EDN IUJOPP



Аннотация: Традиционно взгляды Освальда Шпенглера рассматриваются с позиции того, что он был одним из основоположников цивилизационного подхода, тогда как созданная им теория нации до сих пор не была в полной мере изучена. При этом оригинальность взглядов Шпенглера может быть понята только в контексте тех дискуссий, которые шли в современной ему научной и общественно-политической сферах. Наиболее разработанным этот вопрос был в рамках социал-демократической методологии, хотя среди авторов и здесь не было единства. Шпенглер в своих построениях попытался соединить расу, язык, культуру и нацию, однако давал им собственные оригинальные определения, не имевшие аналогов в трудах современников. В результате им было сформулировано понимание нации как порождения культуры, отражения расы и языка. Под расой понималось видимое проявление культуры, связанное с определенным пространством, язык же выступал как средство соединения сообщества во времени. В отличие от современников он считал нацию меньшинством внутри народа, причем это никак не связано с социально-экономическими формациями. В дальнейшем эти теоретические построения легли в основу практических рекомендаций, которые Шпенглер пытался давать в своих публицистических произведениях.

Ключевые слова: нация, раса, язык, культура, Освальд Шпенглер, теория нации.

Об авторе: **Алексей Борисович Панченко**

Кандидат исторических наук, доцент, главный специалист отдела реализации культурной политики управления культуры администрации Сургутского района.

E-mail: alexeypank@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6909-3220>

Для цитирования: Панченко А. Б. Теория нации Освальда Шпенглера в контексте дискуссий рубежа XIX–XX вв. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 109–118.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (16)

2024

Alexey B. Panchenko

Oswald Spengler's theory of nation in the context of discussions at the turn of XIX–XX centuries



UDC 323.1(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_109

EDN IUIOPP

Abstract: Traditionally, the views of Oswald Spengler are considered from the position that he was one of the founders of the civilizational approach, while the theory of nation created by him has not been fully studied so far. At the same time, the originality of Spengler's views can be understood only in the context of those discussions that took place in the scientific and socio-political spheres contemporary to him. This issue was most developed within the framework of social-democratic methodology, although there was no unanimity among the authors even here. Spengler tried to connect race, language, culture and nation in his constructions, but gave them his own original definitions, which had no analogues in the works of his contemporaries. As a result, he formulated the understanding of nation as a creation of culture, a reflection of race and language. Race was understood as a visible manifestation of culture, associated with a certain space, while language acted as a means of connecting the community in time. Unlike his contemporaries, he considered the nation to be a minority within the people, and this was not related to socio-economic formations. Later these theoretical constructions formed the basis of practical recommendations, which Spengler tried to give in his publicistic works.

Keywords: nation, race, language, culture, Oswald Spengler, theory of nation.

About the author: Alexey Borisovich Panchenko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Specialist of the Cultural Policy Implementation Department of the Department of Culture of the Surgut District Administration.

E-mail: alexeypank@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6909-3220>

For citation: Panchenko A. B. Oswald Spengler's theory of nation in the context of discussions at the turn of XIX–XX centuries. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 1 (16), pp. 109–118.

Имя Освальда Шпенглера хорошо известно не только специалистам, но и широкому кругу людей, интересующихся вопросами истории и культуры. Как правило, он воспринимается в качестве одного из основоположников цивилизационного подхода к изучению истории наряду с Николаем Яковлевичем Данилевским и Арнольдом Джозефом Тойнби. Гораздо менее известны его рассуждения по вопросам нации и национализма, которые тоже занимают важное место в наследии мыслителя. Время, на которое пришлось творчество Шпенглера, ознаменовалось первыми серьезными попытками подведения под понятие нации какой-то теоретической базы (особенно в этом преуспели марксисты — в частности Иосиф Виссарионович Сталин, который дал определение нации, ставшее классическим для советской науки). При этом стоит отметить, что в это время отсутствовала еще устоявшаяся терминология, так что даже в работах одного и того же автора могли встречаться в качестве синонимов понятия «народ», «нация», «раса» и другие¹. Естественно, столь глубокий исследователь как Шпенглер не мог остаться в стороне от дискуссий по данному вопросу. Однако в целомном виде теория нации у немецкого мыслителя отсутствует, отдельные положения ее разбросаны по разным работам. В данной статье предпринята попытка реконструировать теоретические воззрения Освальда Шпенглера по вопросу природы и характеристики нации.

На рубеже XIX–XX вв. сложилось несколько подходов к определению нации, хотя до уровня построения полноценной теории нации еще не дошло (если не считать попытки создать эту теорию в рамках марксистской методологии). Тем не менее следует остановиться на характеристике этих подходов, чтобы понимать контекст, в котором проходили теоретические искания Освальда Шпенглера. Можно заметить, что он был хорошо знаком с современными теориями в различных областях — от этнологии (в частности, со взглядами Лео Фробениуса о диффузии культур) до лингвистики (позицией Фердинанда де Соссюра, разделившего понятия «язык» и «речь»), а также с идеями Карла Маркса (к которым он относился резко критически).

Несмотря на то, что само понятие нации активно использовалось в течение всего XIX в., как отмечает А. И. Миллер «вплоть до 80-х гг. XX в. тема нации и национализма не занимала центрального места в поле интересов наук об обществе»², и только у Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма были выдвинуты некоторые тезисы, в дальнейшем ставшие основой для научных дискуссий по этой теме. Но, пожалуй, первенство в этой области следует отдать французскому философу и историку религии Эрнесту Ренану, который в 1882 г. в Сорбонне прочитал доклад с говорящим названием «Что такое нация?». В нем он обозначил несколько принципиальных моментов. Во-первых, Ренан отметил, что нация как тип объединения людей — это феномен, берущий свое начало в эпоху после распада империи Карла Великого, соответственно неверно подходить к общностям предшествующего периода как к нациям. Также было сказано, что в будущем нации вполне могут исчезнуть, уступив место конфедерациям. То есть нация — это явление временное, а не вечное. Во-вторых, он обратил внимание на то, что нации создаются в результате конструирования исторической памяти за счет упрощения описания исторического процесса, а потому «забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности»³. И вот это умение «забывать» сложные перипетии прошлого ради поддержания чувства единства в дальнейшем стало общим местом у историков-конструктивистов, разрабатывавших теории нации в 1980-х гг. В-третьих, Ренан отверг влияние расы, языка, религии, интересов и географии на формирование наций, поскольку они относятся к внешним проявлениям, тогда как нация —

¹ См. об этом нашу статью *Панченко А.Б.* Истоки теории этноса. Терминологический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 3 (10). С. 108–114.

² *Миллер А.И.* Нация, или Могущество мифа. СПб., 2016. С. 90.

³ *Ренан Э.* Что такое нация? // *Его же.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 92.

это духовный принцип: «Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна — в прошлом, другая — в будущем. Одна — это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая — общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством»⁴. То есть фактически нация — это результат конвенционного соглашения между гражданами государства о единой трактовке своего исторического прошлого и едином понимании перспектив дальнейшего развития.

Несмотря на то, что Эрнест Ренан обозначил перспективный путь изучения наций, в целом во французской науке рубежа веков это понятие использовалось не слишком часто, как правило, приоритет отдавался «расе» и «народу», при этом раса могла пониматься как в узком антропологическом смысле, так и в более широком, включая в себя не только физиологические, но психологические характеристики. В отличие от Франции, в США были предприняты попытки дать строгое определение ключевым терминам, причем идя от общего понятия («группа» или «общество») к частным. Так, Дэниел Бринтон считал сам термин «группа» аналогом греческого «этнос» — «много людей, объединенных общими привычками и обычаями в общность», и в зависимости от ключевых характеристик выделял разные группы: «под „нацией“ мы понимаем всех, объединенных под одним правительством; под „семьей“, тех, чьи разговорные диалекты или языки произошли от одного примитивного языка (языковые семьи); и под „расой“ — объединение с идентичными физическими чертами. „Племя“ есть просто примитивная форма нации, тогда как в английском „народ“ имеет текущее применение к определенным классам в обществе, а не к нему как целому»⁵. В схожей логике рассуждал и Август Генри Кин, который, правда, считал, что раса — это синоним понятия «вид», применительно к человечеству, при этом расы делятся на племена и кланы, которые объединены кровным родством. Нация же для него — это результат разрастания орд и племен, в которой кровное родство уже утрачивает свое значение, а на первый план выходит территория, объединенная одной властью⁶. Видно, что у обоих авторов нация — это понятие политическое, где ключевым является наличие объединяющего правительства. То есть, фактически, нация — это результат общественного договора, но не о прошлом и будущем, как у Ренана, а о настоящем политическом устройстве. Хотя нация в американской этнологии начала XX в. рассматривалась как один из вариантов этноса, но все ее характеристики, кроме политической, отходили на второй план.

Но наиболее разработанной теория нации предстает в работах немецких и австрийских авторов. Причем если в академической среде понятие нации использовалось крайне редко — предпочтение отдавалось «расе» и «народу», то в публицистике этот термин пользовался большой популярностью. Особенно тщательно к теоретическим построениям подходили представители социал-демократического лагеря (в первую очередь австрийцы, поскольку именно в Австрии национальный вопрос стоял особо остро), при этом, несмотря на близость методологии, их взгляды различались довольно серьезно. Австрийский политический деятель Карл Реннер (под псевдонимом Рудольф Шпрингер) выделил основные подходы: атомистический (нация — это не связанная сумма индивидуумов), внутри которого есть два течения: индивидуалистическое (нация — субъективное понятие, а национальность выбирается человеком) и статистико-этнографическое (нация формируется государством через установление свободы языка); органический (нация — это правовая единица, который также делится на два течения: территориальное (нация — это группа, проживающая на определенной территории, причем в исторической ретроспективе, либо территория определяется распространением языка) и персональное (нация — это автономный персональный союз)⁷.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ *Brinton D. The basis of social relation. A study in Ethnic Psychology. New York, 1902. P. 33.*

⁶ *Keane A. H. Ethnology. Cambridge, 1909. P. 14.*

⁷ *Шпрингер Р. Национальная проблема: Борьба национальностей в Австрии. М., 2010. С. 19.*

Дискуссия на указанную тему в рядах социал-демократов была начата Отто Бауэром, который обозначил как проблему отсутствие полноценной теории несмотря на то, что само понятие нации используется очень часто. Сам Бауэр считал, что ключевым элементом, на основе которого строится понятие нации, является национальный характер (но не национальный дух), определяющий образ действий ее членов, который меняется со временем, — соответственно, меняются и нации. Его определение нации звучало таким образом: «Нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»⁸. Вообще Бауэра можно считать первым исследователем, попытавшимся создать полноценную теорию нации. Так, он выделил отличие нации от других сообществ, существующих параллельно с ней. От «интернациональных» сообществ (классов, языковых и этнических групп) она отличается общностью исторической судьбы, а от более тесно связанных локальных групп она отличается тем, что включает в себя всю совокупность людей, обладающих чертами национального характера. Также он выделил этапы исторического развития наций (подчеркнув, что современные нации — это продукт капитализма): первобытный (когда нацию составляли все люди, объединенные родством и культурой), капиталистический (когда нация состоит исключительно из господствующих классов) и будущей социалистический (когда за счет ликвидации классов вновь установится единство).

С критикой Бауэра (и в меньшей степени Реннера) выступил Карл Каутский, который, признавая его заслуги, все же отмечал серьезные недостатки выстроенной теории. В первую очередь критике подвергалось понятие национального характера, — как указывал Каутский, на него влияют те условия, в которых живут люди, а потому у нации, расселившейся на большой территории с разными природно-географическими условиями или с развитой системой разделения труда у различных групп будут совершенно разные черты характера. И здесь он подмечал любопытный момент — у Бауэра представителями нации при капитализме являются только правящие классы, тогда как Реннер истинными носителями национальных черт предстал крестьян. Для самого Каутского важнейшим консолидирующим признаком нации является язык, причем степень консолидации повышается по мере создания письменности⁹. Но при этом своей теории нации он так и не выдвинул, ограничившись разбором существующих.

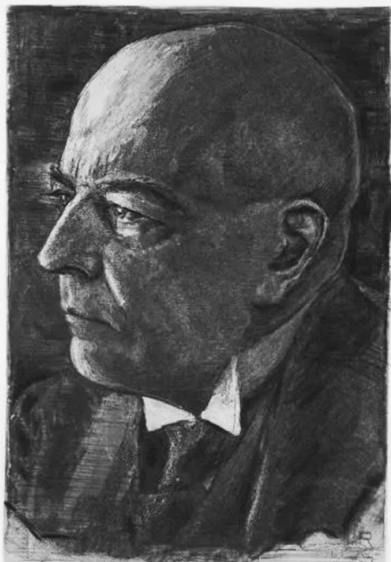
Наконец, нельзя не упомянуть программную статью Иосифа Сталина, написанную с целью критики идей австрийских и немецких социал-демократов, заложившую основу для советской теории нации. Именно там было сформулировано знаменитое четырехчленное определение: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹⁰. Причем важно, что только все четыре признака, взятые в совокупности, определяют нацию, отсутствие хотя бы одно из них означает, что рассматриваемое сообщество нацией не является. У Сталина нация также предстала как историческая категория, причем присущая только капиталистической эпохе.

Примечательно, что наиболее разработанными теоретическими построениями были те, которые создавались в рамках многонациональных континентальных империй — Австро-Венгрии и России. Именно поэтому в этих концепциях важнейшее место занимал тезис о праве наций на самоопределение, который, поскольку авторы их были социал-демократами, тесно увязывался с классовой борьбой, т.к. именно буржуазия воспринималась как главный двигатель процесса зарождения наций внутри империй. Безусловно, Освальд Шпенглер был в курсе большинства дискуссий вокруг нации и национального вопроса, однако его позиция во многом отличалась от взглядов современников.

⁸ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 88.

⁹ Каутский К. Национальность и международность // *Его же*. Еврейство и раса. Статьи по вопросам национальности. М., 2012. С. 218–225.

¹⁰ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // *Его же*. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 296.



Портрет Освальда Шпенглера.
Худ. Р. Саудек, 1923 г.

Надо отметить, что Шпенглер довольно скептически относился к тому, что на протяжении XIX в. происходила попытка осмысления истории как истории народов или наций: «Если где-либо в предшествующем времени возникали новая религия, орнаментика, строительный прием, письменность, даже империя или, наоборот, опустошение, исследователь тут же так формулировал свой вопрос: а как имя народа, вызвавшего это явление? Такая постановка вопроса характерна для западного духа в сегодняшнем его состоянии, однако во всех своих частностях она до того ложна, что создаваемая с ее помощью картина хода событий неизбежно должна быть искаженной»¹¹. Что, впрочем, совершенно не мешало ему оперировать в своих работах понятиями «народ» и «нация». Однако при этом Освальд Шпенглер очень трепетно относился к разработке понятийного аппарата, в том числе и анализируя терминологию, создаваемую в других научных областях.

Соответственно он подвергал критике тех исследователей, которые слишком произвольно относятся к теоретическим построениям:

«Обнаружат название народа — и сразу используют его и в качестве обозначения языка; найдут надпись в три слова — сразу же устанавливают расовые родственные связи. Если совпадет несколько „корней“, тут же как из-под земли вырастает „пранарод“ с его находящейся вдали „прародиной“. Современное национальное чувство еще усилило это „мышление народоединицами“»¹². Отдельно Шпенглер указывал на еще одну ловушку, которая может поджидать историка — смешение самого народа и его имени, особенно с учетом того, что от многих народов кроме имен не осталось ничего. Наконец, еще одна трудность использования понятия «народ» — это его субъективный характер, потому что «народ — союз людей, ощущающий себя единым целым. Если чувство угасает, пусть даже название и всякая отдельно взятая семья продолжают существовать дальше — народа больше нет»¹³. Из-за того, что изучение истории народов осуществляется, в первую очередь, через описание истории «перемещения» их названий возникает еще одна ошибка — поиск прародины для каждого из народов. Шпенглер довольно скептически оценивал перспективы такого подхода, поскольку желание во что бы то ни стало отыскать прародину может привести к тому, что «ученые с большей готовностью вывели бы семитов из Скандинавии, а арийцев — из Ханаана, чем отказались бы от понятия»¹⁴.

Однако Освальд Шпенглер не ограничился одной только критикой историков, но выдвинул важное методологическое замечание: «народ — это единство души. Все великие события истории, собственно говоря, совершены народами не были, но скорее породили на свет их самих»¹⁵. Это переворачивает с ног на голову сложившуюся практику исторических исследований. Поскольку каждое деяние меняет того, кто его

¹¹ Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе. М., 2014. С. 571.

¹² Там же. С. 616.

¹³ Там же. С. 617.

¹⁴ Там же. С. 619.

¹⁵ Там же. С. 622.

совершил, ни один народ не существует как нечто постоянное (или даже сколь-нибудь продолжительное) явление — он непрерывно меняется, даже если сохраняет язык, название и территорию проживания. Главное здесь — это единство в восприятии того самого деяния, что и отличает народ от просто населения, у народа есть внутреннее чувство «мы», тогда как население такого лишено. И именно в момент деяния народ обладает «расой» и «языком» — понятиями, чрезвычайно важными для понимания теоретических построений Шпенглера, поскольку он вкладывал в них иное значение, нежели было распространено среди его современников. Причем оба этих понятия, с его точки зрения, необходимо рассматривать в связке, несмотря на то, что развитие расы и языка между собой могут быть никак не связаны.

Принципиальным для Освальда Шпенглера был отказ от биологического восприятия расы, которое было доминирующим в современной ему антропологии. Причем одной из причин этого Шпенглер обозначал отсутствие единого понимания того, какие именно ключевые параметры важны при выделении рас как явлений животного мира. Анализируя существующие подходы, он отметил, что национальность автора оказывает свое влияние на то, что он кладет в основание своей классификации: «Не договорились даже относительно ранжирования поверхностных характеристик. Блуменбах разделил расы по форме черепа; Фридрих Мюллер — совершенно по-немецки — по волосам и грамматической структуре языка; Топинар — совершенно по-французски — по цвету кожи и форме носа; Хаксли — совершенно по-английски, — так сказать, по спортивным показателям»¹⁶. Сам же немецкий культуролог выводил следующее определение: «Раса есть, если рассматривать ее в контексте окружающего мира, совокупность всех телесных отличительных признаков, как они являются чувственному ощущению бодрствующих существ»¹⁷. То есть здесь важны не столько физиологические характеристики (внешние телесные признаки), сколько их восприятие самими людьми. Не размер черепа, цвет кожи и тип волос определяют расу, а то, как носители этих признаков воспринимают себя и окружающих. Расу можно увидеть, но как бы «внутренним» зрением, когда важным оказывается не лицо, а его выражение, не физическое сложение, а жесты и мимика. Раса тесно связана с ландшафтом, настолько, что она может существовать только в том месте, где появилась. Поэтому перемещение людей — это не перемещение рас, а создание новых в новых ландшафтах: «не англичане и немцы выехали в Америку, но люди эти отправились туда как англичане и немцы; и теперь их правнуки пребывают там как янки, ведь давно уже ни для кого не секрет, что индейская почва оказала свое на них воздействие: из поколения в поколение они делаются все более похожими на искорененное население»¹⁸. И здесь заметно едва ли не дословное пересечение со взглядами американского этнолога Франца Боаса (на которого Шпенглер ссылается), который в результате исследования иммигрантов из Европы в США пришел к выводу, что «родившиеся в Америке потомки представителей этих типов (Боас изучал представителей четырех антропологических типов с разными физическими характеристиками. — А. П.) отличаются от своих родителей, причем эти различия развиваются в раннем детстве и сохраняются в течение всей жизни»¹⁹.

С точки зрения Шпенглера, проявлениями расы являются все видимые объекты, создаваемые людьми, в частности — архитектурные сооружения. Изменения стилей наглядно свидетельствуют и об изменении расы, даже если происходит это на одной территории, сохраняется название народа и язык. Собственно, только памятники искусства позволяют нам судить об истории рас, поскольку антропологические останки ничего не могут рассказать о тех чертах, благодаря которым мы воспринимаем расы — физиология бессильна там, где нужна физиогномика. Из такой позиции

¹⁶ Там же. С. 584.

¹⁷ Там же. С. 572–573.

¹⁸ Там же. С. 577.

¹⁹ Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л., 1926. С. 33.

вытекает и то, что раса может характеризовать не только народ, но и вообще любую группу людей, например, сословие или класс.

Вторым важным параметром, благодаря которому мы можем говорить о существовании народа, для Шпенглера является язык, причем он различает собственно язык и речь. Помимо этого, существуют различия между языком выражения (цель которого — вызвать определенные впечатления) и языком сообщения (цель которого — получить ответную реакцию от собеседника). Различия современных языков, с точки зрения Шпенглера, лежат, в первую очередь, в сфере грамматики, особенно в том, как именно строятся предложения — поскольку мы разговариваем не словами, а предложениями. Появление письменности дает языку «историчность», поскольку позволяет ему существовать на протяжении длительного времени. Более того, именно письменность — это главное условие создания культуры. При этом письменный язык — это, в первую очередь, язык высших слоев общества, горожан, тогда как устный — это язык крестьянства. Различия между городом и деревней для Шпенглера также являются важным элементом его теории, именно город создает современные нации: «Они возникли в замках, с городами они зреют до полной высоты своего мирознания и своего предназначения, и в мировых столицах они угасают»²⁰.

Хотя народы — это «не языковые, не политические и не зоологические единства, но единства душевные»²¹, но это душевное единство создается, в том числе, языком и чувственным восприятием различий (физиологических, стилевых и т. д.). И в зависимости от отношения народов с культурой Шпенглер выделял три их типа: «народы до культуры, внутри нее и после». Первые он обозначал как «пранароды», последние — как «феллахские народы» и только те, которые существуют внутри культуры, являются нациями. Принципиально здесь то, что не нация создает культуру, а культура, зародившаяся внутри «пранарода», создает нацию, нация — это последнее великое произведение культуры. При этом от народа нация отличается тем, что, помимо чувства «мы», ее единство поддерживается существованием некой большой идеи, что делает нацию частью всемирной истории, тогда как история народов — это просто эпизоды, не влияющие на глобальный процесс.

Между разными нациями, как и между культурами (цивилизациями), существуют непреодолимые перегородки, из-за которых они никогда в полной мере не могут понять друг друга. Причина этого заключается в том, что «чужая» нация всегда воспринимается только в той мере, в которой ее образ создается представителями «своей». Стирание же различий приводит к исчезновению наций и прекращению их «историчности» — они становятся «феллахскими народами».

Еще одним важным постулатом, который отличает взгляды Освальда Шпенглера от большинства его современников, является указание на то, что нацию всегда представляет меньшинство. Если в политической мысли XIX и начала XX вв. провозглашалось, что нация — это сообщество равных граждан, составляющих все население государства (или претендующее на обретение своей автономной политической единицы), то Шпенглер указывал на принципиальную невозможность такого единства, поскольку носителем культуры всегда является меньшая часть общества. Причем на разных этапах истории нации это меньшинство менялось — от рыцарства в эпоху замков до буржуазии в период городов. Все же разговоры о том, что нация — это единство всего народа, ведутся как раз представителями культурной элиты, которая заявляет о том, что говорит от лица всех, но при этом в реальности именно себя считает представителями народа. Единство же возможно только у «пранародов» (что тоже шло в разрез со взглядами большинства современников Шпенглера, которые видели такие общества как сословные) или «феллахских народов».

Исходя из всего этого видно, что нация не является продуктом конкретной эпохи всемирной истории, порожденной капитализмом. Нация — это определенный

²⁰ Шпенглер О. Закат Западного мира. С. 629.

²¹ Там же. С. 626.

этап развития отдельных народов внутри культуры. Так, были античные нации, но не «греки» (и даже не «эллины»), а «афиняне» и «спартанцы», не «римляне», а совокупность наций отдельных civitates. Если античные нации были привязаны к конкретным городам, европейские нации — к ландшафтам (где образовывались уже территориальные государства), то, арабская нация не имеет пространственной привязки, объединяясь письменностью. Все современные европейские нации, зародившиеся в «фаустовской» культуре, с точки зрения Шпенглера, являются продуктами династического происхождения, они появлялись в разное время и к началу XX в. находятся на разных этапах своего развития. Причем немцы, порожденные Гогенцоллернами, являются самой молодой европейской нацией. Но все, что имеет начало, имеет и конец, в случае с нациями он наступает по мере распространения идей космополитизма в рамках «мировой столицы» — так произошло с римской нацией после превращения в таковую Рима, то же ждало арабов после того, как «мировой столицей» стал Багдад. Не избежать такой участи и европейским нациям, благо «закат Запада» уже близок. И немцы, как самая молодая нация, в этом случае должны сыграть важную роль, став последними носителями «фаустовской» культуры: «немцы еще достаточно молоды, чтобы решать всемирно-исторические проблемы, в то время как другие народы Европы слишком стары, и закостенели, и не могут организовать нечто большее, чем защита. Но и для великих проблем справедливо, что нападение дает больше надежд на победу»²². Но для этого предстоит сначала раскрыть свой национальный характер, который Шпенглер обозначал понятием «пруссачество».

В работе, вышедшей годом позже второго тома «Заката Западного мира» и являющейся в некотором смысле его продолжением, Освальд Шпенглер писал: «В слове „пруссачество“ заключено все, чем мы, немцы, обладаем, не в области неопределенных идей, желаний, фантазий, а в смысле воли, задач, возможностей, определяющих судьбу нации»²³. Причем «пруссачеством» обладают не все немцы — как и должно быть в любой нации. И ядром немецкой национальной идеи, с точки зрения Шпенглера, является социализм, под которым, в первую очередь, понимается готовность каждого жертвовать собой ради всех — «все за всех». Эта идея «служения во имя нации» определяет все особенности современной Германии и немецкой нации. Так, в отличие от Англии, классы в Германии возникают не на основе богатства (или контроля над средствами производства), а как ранги государственной службы. Именно поэтому Шпенглер так резко критиковал Маркса — его понимание социализма он воспринимал как угрозу для «пруссачества». Второй причиной неприятия Маркса и марксизма стала продвигаемая им идея интернационализма, который является причиной увядания культуры, превращения «города» в «мировую столицу».



Российское издание 1922 г.
книги Шпенглера
«Пруссачество и социализм» (1919)

²² Шпенглер О. Годы решений // *Его же. Политические произведения*. М, 2009. С. 50.

²³ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 48.

Освальд Шпенглер стал одним из первопроходцев в деле построения теории нации и создания на ее основе некоторых практических рекомендаций. В ее основе лежало представление о том, что нация — это порождение культуры определенного периода, когда она уже вышла «из колыбели», но еще не застыла в форме «цивилизации». Нация — это отражение расы и языка, но расы не в биологическом смысле слова, а скорее в плане видимого проявления культуры. Раса создает пространство для нации, а язык (причем письменный) обеспечивает ее существование во времени. Нация — это сообщество людей, воспринимающее себя в качестве единого целого, объединенное некоей идеей, которая и отличает одну нацию от другой. Несмотря на то, что нации, рожденные внутри одной культуры, обладают общей душой, они все равно не могут в полной мере понять друг друга, поскольку ограничены в своем восприятии — они видят лишь образы, которые сами создают. Нация — это всегда меньшая часть народа, хотя всегда говорит от лица большинства. Вопрос, который стал центральным в дискурсе начала XX в. — право наций на самоопределение, для Шпенглера вообще не имел смысла, поскольку нация — это и есть самоопределившееся сообщество, для которого внешняя политическая форма не так уж и важна, особенно с учетом того, что современная эпоха — это время заката культуры Запада, начало эпохи космополитизма, в которой нации прекратят свое существование. Несмотря на то, что теория нации Освальда Шпенглера не получила широкого распространения, некоторые из его выводов могут быть использованы сейчас, в рамках конструктивистского подхода к изучению наций.

Источники и литература

1. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 52–120.
2. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 153 с.
3. Каутский К. Национальность и международность // *Каутский К. Еврейство и раса*. Статьи по вопросам национальности. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 205–265.
4. Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
5. Панченко А. Б. Истоки теории этноса. Терминологический аспект // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2010. № 3 (10). С. 108–114.
6. Ренан Э. Что такое нация? // *Ренан Э. Собр. соч.*: В 12 т. Т. 6. Киев: Изд. Б. К. Фукса, 1902. С. 88–102.
7. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И. В. Соч.* Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. С. 290–367.
8. Шпенглер О. Годы решений // *Шпенглер О. Политические произведения*. М.: Канон +, 2009. С. 45–221.
9. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. 1085 с.
10. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. 228 с.
11. Шпрингер Р. Национальная проблема: Борьба национальностей в Австрии. М.: КРА-САНД, 2010. 328 с.
12. Brinton D. The basis of social relation. A study in Ethnic Psychology. New York: The Knickerbocker Press, 1902. 220 p.
13. Keane A. H. Ethnology. Cambridge: University Press, 1909. 442+XXX p.